

Борис Алексеев

г. Москва

Два дня на деревне

Читатель добрый, выслушай рассказ о двух деревенских днях московского интеллигента, которому случилось оказаться на глухих Мещёрских болотах. Эта история записана мной на диктофон с его собственных слов и положена на перо без какой-либо редакторской правки. Оттого недостатки изложения лично ко мне, как стенографу, не имеют никакого отношения.

– Каждому человеку сопутствует та или иная среда, – Алексей Петрович подошёл к столу и прикурил трубку. – Попомните мои слова, юноша, среда – штука полезная! Она, как определённый состав воздуха, ласкает наши лёгкие, освежает ум, подбирает под нас плотность и давление. Мы этого, как правило, не ценим и погружаемся в параллельные среды: кто из любопытства, а кто из страха перед будущим. Вскоре в чужой среде мы убеждаемся в лицемерии ожидаемых преимуществ и возвращаемся, как собаки, чутьём нащупывая обратную дорогу. Увы, возвращаемся с потерями. Однако, – тут Алексей Петрович обмяк в обворожительной улыбке, – бывают счастливые исключения!

Он долго раскуривал потухшую трубку. Мне даже показалось, что наша беседа закончилась, и я напрасно высиживаю на гостеприимном велюровом диване хозяйское время. Но в этот момент трубка задымилась, Алексей Петрович откашлялся и продолжил:

– Вот так и я, задумал сменить благополучие городского очкарика на обычаи «милой старины», пожить пару дней без интегралов за утренней чашечкой кофе и рюмки «Путинки» перед обедом в университетской столовой. Короче, сменить привычную среду обитания на иную – шершавую, гулкую, росистую. И что греха таить, мне это удалось! Вы, конечно, возразите: результат эксперимента опровергает мою же теорию. Да, опровергает. Но опровергает диалектически. Да-да, юноша, диалектика сильнее нас! А теперь слушайте.

Жила в старой деревеньке Колосово, на краю глухого Мещёрского болота бабка. Бабка эта, когда была помоложе, ездила торговать ягодой на Егорьевский рынок. Как-то по делам оказался и я в этом непримечательном городке. Зашёл на рынок поглядеть, чем торгуют. На рядах разговорился со статной торговкой. Величавая с виду, она вела речь умно и просто. Более всего приглянулись мне её глаза – голубые, как бирюза. Познакомились. Я, шутя, взял адрес. Переписывались какое-то время, потом реже, потом и вовсе перестали.

Вспомнил я о ней, когда душу мою капризную невмоготу ломить стало. Написал. Не дожидаясь ответа, пошёл на автовокзал, примет – не примет. Купил билет, сел в роскошный автобус «Москва – Спас-Клепиков», и покатила меня судьба в страну Мещерá, на охотничьи угодья Паустовского да к Есенинским журавлям...

Автобус вырулил на небольшой лесной лышачок. Прорбитый дробью указатель отпирывал всех налево, в некую Ханинскую школу. Судя по заброшенной дороге, школы давно не существовало и всё, что от неё осталось, умещалось в дырочках указателя. Так дырка от бублика хранит светлое воспоминание о съеденном румяном колечке. По карте, которую я прилежно изучил в ав-

тобусе за четыре часа пути, мне надлежало идти в другую сторону, направо.

Вокруг не было ни души. Я оказался единственным пассажиром, сошедшим на этой странной остановке. Автобус лязгнул раздвижными ставнями дверей, выдохнул избыточное гидравлическое давление, как бы прощаясь со мной, и укатил за поворот. Я проводил его глазами, с упоением вдыхая густую мещерскую аромату...

Поперхнувшись горлом и изрядно кашляя, я сплюнул не меньше сотни комаров. Увы, отправляясь в путешествие третьего июня, откуда мне было знать, что комариное «присутствие» в Мещёрском воздухе плотнее, чем вода в море. Их вроде нет, но под каждым листом и травинкой сидят в засаде десятки, сотни этих безжалостных, а если посмотреть на них через лупу, совершенно безобразных существ! Их Божественное предназначение мне совершенно не понятно.

Помимо рюкзака на руках у меня были две тяжёлые сумки с продуктами и подарками для бабушки. Я опустил сумки на дорогу и стёр комариную кожицу с лица. Хотел было приподнять вещи, но комариный миллениум вновь заботливо отформовал мою голову. Тут я понял всю меру собственной беспечности. С занятыми руками идти сквозь вязкий комариный настой казалось невыносимо. Что делать? Ждать обратный рейс – долго, да и дождусь ли? – съедят. Идти, как подсказывала карта, шесть километров через два болота и две деревни до поселения Колосово – невыносимо. Как грамотный человек, я подсчитал, что пять литров крови эта немилосердная свора выпьет на первом же километре. Не помню, что успокоило трепет моего сердца. Но в последний раз смахнув колкую кожицу с лица, я выцедил закрытым наглухо ртом «Делайте, что хотите!», поднял сумки и отправился к ближайшему болоту, читая своими словами абсолютно не знакомую мне молитву.

Не стану описывать приключения идущего по дороге человека с взъерошенной и монотонно шевелящейся шевелюрой. Мои

распухшие, заплаканные от укусов и бессилья глаза отказывались считывать картографию, и я шёл практически наугад, ощущая вспотевшей спиной холодок наступающего вечера. Наверное, Бог пожалел меня, иначе, как объяснить появление спасительной телеги в тот самый момент, когда силы окончательно меня оставили и я привалился к упавшему дереву, не в состоянии ни идти ни плакать.

«Эй, друг, садись, родной!» – услышал я хриплый человеческий голос и скрип остановившейся старой телеги. «Эка тебя! – весело прибавил старичок-возница, – ничего, в нашей торфяной водице купнёшься – враз полегчает!» Чувствуя себя наполовину спасённым, я огляделся. Лёгкая открытая рубашка моего спасителя меня озадачила. «А вы что, комаров не боитесь?» – спросил я. «Не-е, они своих не жалют!» – ответил возница. Узнав, что мне надобно в Колосово, спросил: «А тебе там кого?» Я ответил, что иду до бабки Ефросинии, а приехал из Москвы на несколько дней. «Эх, Фросиния, радость-то наша, помёрла она, поди скоро год будет, – вздохнул старик, потом обернулся ко мне и внимательно спросил: – Так это тебе она всё письма писала? Три напишет – одно отправит. Я ей говорю: “Ты чего бумагу-то портишь за зря?” А она мне: “Да я для себя пишу, так на душе легче, а в Москву шлю, чтоб не забывал. Хоть и городской, душа у него живая, родниковая!” Пряма так и сказала – “родниковая”. А хошь, поживи в ейном доме, я-то за ним уж год как приглядываю».

Телега въехала в старую, полуразвалившуюся деревню. Домишки напоминали танки, подбитые в захлебнувшейся восторженной атаке. Печные трубы, как жерла танковых орудий, то тут, то там торчали из расштопанной бревенчатой брони. Посеребрённые временем венцы вросли в землю и медленно умирали, цепляясь друг за друга. «Приехали, – возница не по-стариковски легко спрыгнул с телеги, – заходи!» Мы вошли в полутёмную, освещённую багровым солнцем горницу. «Вот тут она и жила, – старичок затеплил лампаду,

– света нет, по что он тута теперь. Располагайся, а я пойду. Если что, вона мои окна, супротив». Он вышел. Я остался наедине с памятью о Ефросинии Макаровне, прошлой хозяйке скромного деревенского пятистенка.

В сенях обнаружил ведро с водой, наполненное до краёв. «Ужели так и стоит? – подумал я. – Может, Ефросинюшка воду-то для меня набрала?..» Заметив, как мой язык стал, вторя старику, «то-окать», я усмехнулся и сунул голову целиком в ведро. Вода с шумом брызнула за края, обмочив всю мою одежду. Я блаженствовал! Действительно, зуд от укусов быстро успокоился, и ко мне вернулось приподнятое любопытное расположение духа. Я возвратился в горницу, вскрыл сумки и не торопясь накрыл стол. Как путник, долго поднимавшийся в гору, ощущает великолепие вершины, так и мой дух, преодолев дорожные неурядицы, блаженствовал.

Отужинав, я разрешил себе осмотреть Фросино жилище. На подзеркальнике нашёл среди каких-то пузырьков множество листов старой бумаги, исписанных крупным ломанным почерком. Это были те самые неотправленные письма, о которых говорил старик. Сердце моё сжалось от мысли, что Фросину тайну я вот так запросто разглядываю, отнимая «право собственности» у смертельного забвения. Правильно ли?

Вскоре глаза мои стали слипаться от пройденного, выпитого и съеденного. Не раздеваясь, я повалился на старый пружинистый диван и уснул, накрывшись голубым Фросиным пледом.

Наутро меня разбудил старик. Он сидел за столом и разливал из чайника по кружкам кипяток. «Ну, будись, Ляксея, рыбалку ты проспал, а на могилку Ефросинии свожу», – сказал он, прикусывая единственным зубом большой кусок сахара. Мы вышли на околицу. Комары не так донимали, как давеча, видно, ужо приглядели меня. На церковном погосте, среди покосившихся оградок старик отыскал Фросину могилку. Скупая табличка озадачила меня. Может быть,

солнце, стоявшее почти в зените, перегрело мне голову по дороге к кладбищу, или живительный мещёрский воздух опьянил и распеленал рассудок, но поверх таблички мне привиделись Фросины письма, рядом ягода в больших дорожных корзинах, а над корзинами сгустки комаров, жужжащих, как рой пчёл: «Ф-ф-фрос-с-я...»

Ноги мои отяжелели, и я привалился к упавшему на могилы стволу большого дерева. «Да, славная была женщина», – вздохнул старик, приняв мой обморок за проявление чувств.

В тот же день я уехал в Москву. Старик довёз меня на телеге до тракта и стоял со мной до прибытия автобуса. Расхлопнулись складные двери. Мы обнялись. «Приезжай ещё, эка мы с тобой!» – сказал мой провожатый нарочито весело, чуть морщась в сторону. «Приеду, Макарыч, обязательно приеду! Теперь прощай», – ответил я старику уже с подножки автобуса.

Тем же летом я действительно вернулся в Колосово. Старик был несказанно мне рад. Мы подолгу сживали во Фросином доме, пили чай, вспоминали хозяйку. Дружба наша росла. В этот и следующие приезды мне всё меньше хотелось возвращаться в Москву. Наконец я взял в университете работу на дом, прервал преподавание и поселился в новом своём доме, купленном за гроши у моего нового друга Макарыча, брата голубоглазой русской женщины Ефросинии.

Крещенская сорокапятиграммочка

Николай ёжился и поглядывал на клавиатуру из дальнего угла комнаты, как зверь, которого спугнули с добычи brave охотники. «Всё, их нет, ушли, ушли!» – пульсировала кровь, выколачивая мембраны ушей, как заправские била. «Подойди, сядь, они ушли, ушли совсем – пиши спокойно!» – трепетало внутреннее «я», заглушая страх перед миром людей, заселивших по попушению Божию его прекрасную планету...

...Давным-давно, в начале двадцать первого века от Рождества Христова существовала замечательная страна Россия. Только людям в этой стране жилось трудно. Почему трудно? – об этом гадают программа определения цивилизационного индекса. Как только программа считывает перечень природно-географических ресурсов этого фрагмента суши, индекс взлетает вверх и блокирует все варианты на понижение. Но стоит загрузить в программу реальную историческую информацию, тут же включается аварийный блок биовыживания.

Все прочие страны программа рассчитывала легко и быстро. И только с Россией она безуспешно возилась сутками, неизменно выдавая на-гора ворох противоречивых промежуточных результатов. В конце концов генеральному это надоело, и он обратился в лабораторию Времени с просьбой визуализировать контент российской действительности начала двадцать первого века.

Надо сказать, визуализация прошлого всегда сопряжена с участием реального человека. Клонированный наблюдатель – неточен. Он не в состоянии совершить полное погружение в прошедшее время. Это легко понять, ведь клону не могут сниться, например, сны рыбы. Человек не способен воспроизвести на искусственном уровне свой геном. Речь о статусе клона может идти только в сравнительной области.

А вот наблюдать будущее через клонированные объекты – вполне сносно. Будущее – это такая категория метафизики, где в строгом смысле не существует преемственности, оттого всякое предстоящее действие не является прямым следствием действия совершённого.

Однако, пора начинать историю.

Уважаемый читатель уже догадался, что на должность наблюдателя русской загадки начала двадцать первого века был назначен именно Николай, ведомый с одной стороны любопытством историка, с другой – авантюрным складом личности.

Нет смысла описывать само действие по перемещению Николая в далёкий двадцать

первый век. Покажите мне человека, кто не наблюдал бы на новостной осциллограмме перемещение физического тела по шкале времени, поданное навязчиво, как дурное реалити-шоу? Увы, рекламная шумиха – это объективный вирус в любом отработанном до мелочей пространственно-временном преобразовании!

Оттого материализовался Николай не в крупном Поселении Городского Типа (ПГТ), как значилось в программе полёта, а в непролазной местности с вертикальными дикорастущими реликтами и полным отсутствием аэросвязи.

«Хорошенькое дело!..» – астронавт не успел произвести первичный анализ ситуации, как вдруг прямо на него из огромного сугроба выкатилось бурое и косматое чудовище. Сработало фотореле, и чип, встроенный в грудной отдел скафандра, выдал текст: «Зооптилия “Бурый медведь” (Ursus arctos) из Красной книги ныне не существующих видов».

Рептилия угрожающе втянула чёрным пятком носа запах Николая и сделала первый неуклюжий шаг в его сторону. «Интересно, что хочет это звероподобное существо?» – Николаю захотелось приблизиться к медведю и образовать совместное коммуникативное пространство, но в этот миг...

Тут я вынужден сделать небольшую ремарку. Далёкое будущее, где судьба определила жить Николаю, преодолело акт смерти до завершения т. н. планетарной миссии человека. То, что составляло основу всякого страха, согласно ветхозаветной теории Дарвина, – борьба за жизнь, с развитием цивилизации исчерпало себя. Возможность оперативного присутствия в прошлом и особенно в будущем лишили рок непредсказуемости. Над человеком растаял как льдинка висящий на волоске судьбы Дамоклов меч. Оттого всезнающий Ното разучился бояться и реагировать на опасности.

Те, кто возвращались из прошлого, рассказывали о проявлениях отрицательной коммуникации, незнакомых современному человеку. К счастью, программа персональной защиты, встраиваемая в обязательном

порядке в чип каждого «переселенца», из-бавляла его от всех неожиданностей.

...Николай сделал шаг навстречу балансирующему на задних лапах медведю, как прямо над ним тишину вспенил гулкий раскатистый хлопóк. Снег просыпался между лап ельника, а медведь, истощно рыча и мотая башкой, рухнул в снег.

Николай видел физическую смерть впервые. Он не понял, что произошло, но по затухающей волновой характеристике биополя контрагента догадался, что произошла системная нелепость. Он подошёл к мёртвому медведю, и в это же время, ломая лапы ельника, к медведю с другой стороны вышла группа людей с металлическими стержнями в руках. Каждый из этих стержней заканчивался коричневым расширением из неизвестного Николаю материала.

– Эй, мужик, ты чё тут делаешь?! А ежели б не мы?...– обратился к Николаю, видимо, официальный представитель делегации.

– Я – рад – нашей – встрече! – ответил картаво встроенный в Николая онлайн-переводчик.

– Во даёт! – расхохотались члены делегации, – да он иностранец!

– Я – Ник-олай, а как зовут вас? – переводчик продолжал реализовывать программу начального уровня общения.

Мужики переглянулись и стали копошиться в рюкзаках.

– Пей, Нико-лай, нынче праздник Крещенский, грех не выпить! – обратился к астронавту официальный представитель и поднёс стакан осинового самогонки. – Пей!

От внесистемной неожиданности Николай забыл переключить начальную программу на следующий концептуальный уровень и доверчиво влил в горло почти двести граммов сорокапятипроцентного напитка для настоящих мужчин. Обалдев, говоря русским языком, от случившегося, Колюня присел на снег и зажмурился так счастливо, как не жмурился никогда. А если сказать правду, он жмурился первый раз в жизни.

– Ребята! – вздрогнул Николай (было очевидно, что онлайн-переводчик что-то путает), – ребята! Хорошо тут вокруг, в России. А эти, блин, ничего про вас не знают!

– Кто эти? – переспросил генеральный.

– А-а, да те, которые потом...

P. S.

...Николай вглядывался в белый вордовский лист, припоминая дивный крещенский денёк, когда его чуть не съел настоящий русский медведь. А не съел потому, что в России в то время проживали добрые (не то, что ныне!) и щедрые люди. «Осиновка» же, которую они пили, была определённо хороша!

– Что с тобой? – участливо спросил крохотный клон-парапсихолог.

– С Крещеньцем! – хитро прищурился Колюня и, попахивая самогонкой, «замертво» (как тот медведь) повалился на белую накрахмаленную простыню ближайшей территории сна.

Пуговица

Маленькая, потёртая временем Пуговица грелась на солнышке, ожидая окончания очередной партии в домино.

– Рыба! – дрогнула старая кацавейка, да так сильно, что лопнули подгнившие пуговичные нити. Пуговка оторвалась от матери-кацавеюшки и, как пружинка, отлетела прочь на газонную траву.

– О-ой! Да как же это? – пискнула Пуговка. Кусочком нити она смахнула слезинку вечерней росы, выкатившуюся из её дырочки, и осмотрелась.

Мать-кацавеюшка, будто ничего не произошло, продолжала ласково обнимать дедушку Кронита. А тот поглаживал её своими шершавыми ладонями и складывал фишки, считая «вес» пойманной им рыбы.

Пуговица впервые видела деда одетым неряшливо. Такого раньше не случалось. Кронит был наследным интеллигентом и даже малый изьян в одежде, например, отсутствие пуговицы, воспринимал как

неправильно решённое уравнение. А для школьного учителя математики подобная «алгебраическая» неточность попахивала личным фиаско.

«Э-э, нет, – вдруг вспомнила Пуговица, – в 37-м году случилось...»

...Люди в погонах заперли Кронита в сыром подвале и долго били. Тогда-то мать-кацавейка и растеряла почти все свои пуговицы. На третий день отпустили. Кронит кое-как вернулся домой, дверь ему открыла бабушка Оля, живая, молодая и красивая. Дед взглянул на неё и прямо в дверях упал в обморок.

Долго потом Оля, растопив в слезах кусок хозяйственного мыла, отстирывала кровь с одежды мужа.

Пуговица припомнила белый шрам на матери-кацавейке от воротника до самой поясицы:

...Подвал, крик следователя и стон деда. В две крохотные дырочки, прикрытые чубчиком швейных нитей, пуговка наблюдает, как писарь вскакивает со стула, подбегает к деду и бьёт его чем-то тяжёлым в затылок. Потом сгребает мать-кацавейку в свой огромный кулак и волочит деда по бетонному полу. Мать не выдерживает боль и рвётся пополам. Дед падает из рук мучителя. Писарь отряхивает ладони, вытирает носовым платком пот со лба и садится за стол. «Продолжим» – говорит следователь. Писарь, обмакнув перо в чернильницу, начинает записывать ещё несуществующий ответ деда.

«Милый дед», – вздохнула Пуговица, рассматривая широкую заплату на правой брючине чуть ниже бедра...

...Шёл 1962-й год. Кронит, уволенный из школы за то, что не пропустил в выпускной класс сына секретаря райкома, отпетого двоечника и маленькую детскую сволочь, четвёртый месяц работал егерем в лесном урочище Сандармох, что на берегу Ладожского озера близ посёлка Повенец. Трудная была работа, и место тяжёлое, расстрельное.

Однажды обходом набрёл он на двух матёрых браконьеров. Те завалили лося и

только принялись свежевать тушу. Увидев Кронита, разбойники похватали ружья и точно б прибили деда, но в этот миг из ельника выкатился огромный медведь-шатун. Медведь, дуря от запаха крови, бросился на Кронита. Браконьеры не стали стрелять в медведя, а, подхватив отрубленные лосиные рога, пустились наутёк. Кронит сорвал с плеча ружьё, но выстрелить не успел. Медведь ударил его лапой в правое бедро, повалил и... вдруг спрянул назад, истошно рыча и перекатываясь по снегу. Его правая задняя лапа оказалась перехвачена остро-зубым медвежьим капканом, из-под лезвия которого уже всюю хлестала и пенилась бурая кровь зверя.

Когда Кронит пошатываясь добрёл до дома, на крыльце его встретила заплаканная от тяжёлого предчувствия Оля. Она проплакала весь вечер, отпаивая мужа горячим чаем с рябиновой и вшивая в правую брючину ту самую заплату.

Невесёлые воспоминания пуговки прервал окрик деда:

– Вот те на! А пуговица-то где?

Старички нагнулись и стали шарить в траве вокруг стола. «Я здесь, здесь!» – Пуговка силилась им помочь, но говорить вслух она не умела, а её лакированный бочок под вечер уже не так посверкивал, как, скажем, пополуночи.

– Да вот же она! – Кронит наклонился до земли и аккуратно двумя дрожащими пальцами поднял Пуговицу, смахнул оставшиеся от вечерней росы слезинки и положил в карман своей кацавейки. «Опять я у мамы в животике!» – зевнула нагулявшаяся во дворе Пуговка и тотчас уснула тихим, безмятежным сном.

Главный герой произведения. Да кому он нужен?

Кто вам сказал, что в литературном произведении должен быть герой? Кто вас убедил в том, что обязательно должна быть персона, вокруг которой, как смерч в пу-

стыне Кызыл-Кум, вращается сюжетный вихрь повествования? Что за бред! Вот, послушайте.

Под горой жила мышь. Маленькая серая полёвка. Днём она кормилась в поле, а под вечер исчезала в гостеприимном веере горных расщелин. В одной такой расщелинке она обустроила себе уютное жилище и держала внушительный запас провианта на зиму.

Настали худые времена. Принялись люди раскапывать гору. Зачем, спрашивается? То ли потеряли что и теперь хватились, то ли поллюбопытствовать решили: что у горы внутри припрятано. Короче, заурчала, засеребрилась на солнце огромная металлическая лопата. Впенилось чёрными дымами её дизельное сердце. Испугались звери, побежали в предгорье. Только мышка не побежала. Забилась она в свою норку, закуталась в соломку и сидит-дрожит. А гора над ней словно ходуном ходит, вот-вот обрушит хрупкое подземелье.

Бегут мимо мышшиной норки звери большие и малые. Вот подбегает хитрая ласка. Почуяла она мышку, остановилась.

– Мышь! – воскликнула ласка, задыхаясь от бега. – Ты почему не бежишь? Пропадёшь за так, на кого я тогда охотиться буду?

– Ми-илая ла-аска, – нараспев ответила полёвка, стараясь унять дрожь в голосе, – не бе-еспокойтесь, пожалуйста, я в-вас догоню, вот только у-управлюсь чуток.

Однако ласка, увлекаемая вихрем общего бега, исчезла так же стремительно, как и появилась.

В ту пору наступило у людей обеденное время. Всё стихло. Мышка повела носом, пересчитала запахи и зажмурилась от удовольствия. Через минуту, однако, взяла себя в лапки, прочитала крохотную мышшиную молитовку и помчалась вверх по склону к огромной механической лопате, возвышавшейся среди разбросанных камней и поваленных деревьев. Замирая от страха, вскарабкалась она по металлической ленте с толстыми поперечными зубьями в кабину и забилась в угол между каких-то рычагов и педалей.

– Если не я, то к-кто! – шепнула мышка. Она хотела произнести ещё что-то ободряющее, но нечаянно прикусила язычок, содрогаясь от биений собственного сердца.

Минут через двадцать в кабину экскаватора впорхнула, как большая птица, крупная весёлая женщина. Она ещё выкрикивала слова, отвечая кому-то, и заразительно смеялась. Однако очнувшееся ото сна дизельное сердце металлического чудовища совершенно заглушило её громкий голос.

Женщина села в мягкое водительское кресло и потянула на себя главный рычаг управления. В это мгновение мышка выпрыгнула из своего укрытия и вскарабкалась по комбинезону прямо на грудь экскаваторщицы. Та, не сразу приметив зверьку, хотела смахнуть рукой с груди какую-то помеху, но, ощутив тепло мышшиной шерстки, посмотрела недоуменно вниз, увидела мышь и...

– Чё это она? – спрашивали друг друга рабочие, глядя, как из распахнутой дверцы кабины экскаватора выпрыгивает, истошно крича, женщина-водитель, падает, катается по земле и всё время хлопает себя по груди, хлопает и кричит, хлопает и кричит...

Заглядевшись на страдания бедной женщины, люди не сразу обратили внимание, что экскаватор продолжил движение без водителя. По собственному, так сказать, тысячелошадиному разумению он то потешно кружился вокруг своей оси, скользя гусеницами в илистой породе высокогорного ручья, то, почувствовав «под ногами» твёрдый каменистый шлейф, рвался вперёд, не выбирая дороги. С торжествующим видом победителя, фыркая и гремя гусеницами, он взбирался на отвалы им же насыпанной горной породы и, балансируя на сыпучих вершинах, сползал вниз под предельным углом наклона в сорок пять градусов. В конце концов, видимо перепутав направления, экскаватор завис над пропастью и через мгновение исчез. Когда рабочие подбежали к обрыву, то увидели его искорёженный остов, похожий на палеонтологические останки огромного доисторического животного. Запрокинутый ковш,

как разбитая голова динозавра, валялся поодаль, а в переломанной пополам стреле с гидроцилиндрами трудно было узнать некогда длинную и красивую шею. Холодный зелёный ледник обступал со всех сторон поверженное чудовище.

– Извлекать нет смысла, – решили люди и разошлись.

Узнав по селектору о случившемся, под вечер приехал начальник строительного участка. Женщина, которую так испугала мышь, всё ещё не могла прийти в себя, дрожала и с безумным видом повторяла: «Ведьмы! Здесь живут ведьмы!» Кто-то подтвердил, что сам лично видел, как чёрное лохматое существо, похожее на неопрятную старуху, мелькнуло над кабиной экскаватора и исчезло вслед за поверженной техникой в пропасти.

– Ну, это вы уж слишком! Ведь ведьм не бывает, – хмуро парировал начальник.

– Ей-богу, видел! – божился очевидец.

Он дёргал Фросю (так звали женщину, пострадавшую от нечистой силы) за руку и твердил: «Ну скажи им, скажи!» Но Фрося только неопределённо водила глазами и повторяла: «Ведьмы! Здесь живут ведьмы!», не уточняя, однако, их особые приметы.

– Н-да, – подытожил начстрой, – в ведьм я, конечно, не верю, но технику жалко. Временно консервируем карьер и перебазиремся на «Собянку».

Утром следующего дня погрузили на платформы оставшуюся в живых технику. Закидали кузов самосвала всякой строительной всячиной, выпили на посошок и тронулись. Вскоре стих гул техники, уходя-

щей по серпантину в предгорье, и наступила пронзительная тишина, как прежде, живая и благодатная...

А что наша маленькая героиня? Уж не упала ли она в пропасть вместе с экскаватором? Нет-нет, не беспокойтесь, никуда она не упала, слава богу. Правда, ей тоже не повезло. На другой день вернулись звери вернулась с ними и ласка. Побежала ласка в поле охотиться. Видит, сидит под веткой ракиты мышь, не бежит никуда, не торопится, сидит, будто размышляет о чём-то. Ласка подкралась поближе – мышка сидит. Ещё поближе – сидит! Повинуясь инстинкту охотницы, она схватила полёвку и съела. Откуда ей было знать, что это та самая героическая мышь, которая прогнала людей с горы! Все они, полёвки серые, да и по вкусу не определишь.

Вы спросите: «Почему же мышка так беспечно сидела и позволила ласке подкрасться к ней?» Ответу: «Люди! Конечно, люди стали невольной причиной гибели нашей бесстрашной героини. Знаю по себе, как сложно порой понять мотивы и действия соплеменников. Каждый раз после очередного сеанса моей вынужденной социализации я тоже впадал в опасное (с точки зрения безопасности) размышление «Как же сосуществовать с ними?» Увы, главный герой, отыграв роль до конца, похож на новобранца, беспечно улыбающегося поверх окопа на глазах вооружённого до зубов противника...

И если вы по-прежнему говорите: «Герой обязательно должен БЫТЬ!», я бы ответил так: «Вовсе нет!»

Больше произведений автора по ссылкам

stihi.ru/avtor/boris1952

proza.ru/avtor/boris1952

chitalnya.ru/users/boris1952